

ЧТОБ НЕ УГАСЛО В ЧЕЛОВЕКЕ

ПАДАМЯ ЖИТЬ

В массовом сознании город Брянск ассоциируется с голосующим за коммунистов «красным поясом», именем «рабочего депутата» Лядакина, брянскими партизанами и легендарным брянским лесом. Сами брянчане больше всего гордятся своим великим (без всякого преувеличения) земляком Федором Тютчевым. Он родился в имении Овстуг, и в этом году будет отмечаться 200 лет со дня его рождения. Юбилей Тютчева должен стать общенациональным праздником: Президент России Владимир Путин подписал по этому поводу специальный указ.

Нынешний год на территории Брянской области по решению Думы и администрации объявлен годом культуры. Но хотя

местное начальство свободно цитирует Тютчева на официальных мероприятиях, не все молодые таксисты знают, где в Брянске художественный музей или драматический театр. И все же культурное брожение в городе ощутимо. На прошлой неделе здесь завершился Международный фестиваль современного искусства имени Рославца и Габо, проходивший в этом году под девизом «От авангарда до постмодернизма». К фестивалю приурочили всероссийский семинар, проходивший под эгидой газеты «Культура». В Брянск приехали журналисты и критики из разных регионов страны, пишущие о проблемах культуры. Среди них был и представитель Ярославля.

Одной теме – знаках и знаковости – на фестивале говорилось немало. Безусловно знаковые работы представил театр балета Татьяны Багановой из Екатеринбурга «Провинциальные танцы». Коллектив создан в 1990 году, за это время стал лауреатом многих международных конкурсов, с 2000 года трижды подряд награждался национальной премией «Золотая маска». Театр показал постановки «Кленовый сад» и «Тихая жизнь с селедками».

«Кленовый сад» – иронично-сочувственная, загадочная мистерия в духе Гофмана и Брейгеля, где сняты все жанровые ограничения.

В спектакле двоящийся живоотно-человеческий образ Сельдей играет юноши (на снимке). На слайде за спинами у них – три упитанные рыбины. Задник – клетчатая скатерть. Женская группа одетая в стиле соца-арта: в зеленых резиновых сапогах и желтых перчатках, белых косынках и фартуках поверх несколько-красных купальников – активно разделяет безропотную Селедку, чтобы приготовить вождьденную сельдь под шубой – популярнейшее блюдо (к концу действия на слайде появляется наполненная и украшенная зеленью хрустальная вазочка).

Сквозь буффонаду пробивается мотив беззащитности, жалости и любви. В финале после выразительного парного танца публике зачитывается страстно любимый рецепт, и становится ясно: как бы ни были агрессивны-деловиты женщины, без юношей-сельдей ни шубу не сготовишь, ни праздник в доме не сделаешь. Итак, да здравствуют мужчины!

Брянский фестиваль проходил в этом году в восемнадцатый (!) раз. Его история – это особая тема. Почти двадцать пять лет назад в Брянском музыкальном училище с легкой руки преподавателя М. Белодубровского был создан неформальный клуб «Аподион», в названии которого объединены имена двух греческих богов – Аполлона и Диониса. Власть относилась к клубу с недоверием, считая его рассадником диссидентства. Сказывались и антисемитские настроения. В конце концов клуб закрыли.

Но уже в 1986-м, в самом начале гorbачевской перестройки, бывшие аподионовцы провели авангардный фестиваль, назвав его именами выдающихся земляков: музыканта-новатора Николая Рославца и одного из основоположников мирового конструктивизма Наума Габо.

При поддержке фонда Форда, областной администрации, усилиями оргкомитета: заслуженного работника культуры РФ, композитора Марка Белодубровского, известной брянской журналистки Татьяны Ривкинд – постоянного автора газеты «Культура», неутомимого директора фестиваля Любови Пчелкиной – удалось создать теплую атмосферу непринужденных дружеских встреч.

Безусловно, для Брянщины, которая в приснопамятных 70-х годах ушедшего века славила в СССР как картофельный край, брала на себя рекордные обязательства по сбору «второго хлеба», безвременно теряла первых секретарей обкома, надорвавшихся на выполнении и перевыполнении этих самых рекордов (из-за чего даже ходила КПСС расшифровывается так – Крахмалев, Попов, Сизенко, следующий), чувствовала уверенность в завтрашнем дне и опасалась всяких непонятных «Аподионов», – фестиваль стал откровением.

Нынешние брянские студенты с сентября по ноябрь уже не сидят в деревнях и хозяйствах на уборке картофеля, не особо разбираются в преимуществах сорта «богатырь» перед «невским», зато вовсю общаются к мировому искусству. Они заметно «продвинуты», открыты для восприятия нового, это чувствуется по реакции на концертах.

Выступление московского ансамбля ударных инструментов Марка Пекарского в 80-х могло быть в Брянске только подпольным. А сегодня концерт его инструментального театра с участием «препарированного» фортепьяно, набором нетрадиционных инструментов: чулунков, медных сковородок всех калибров, емкостью с водой, буддийских гонгов, электрического звонка, радиоприемника – был встречен публикой с немалым энтузиазмом. На концерте звучали «Музыка барабанной молодости папаши Кейджа» (американского композитора 20-х годов), композиция «Балетто» президента Ассоциации современной музыки В. Екимовского.

Эксцентричную партитуру «Балетто» с графической записью дирижерских жестов (на рисунке) перед началом концерта в фойе киноконцертного комплекса «Дружба» по демократичной цене в 3 рубля расхватавали, как горячие пирожки.

Критики говорят, что время постмодернизма – это время зрелой культуры, подходящей к завершению, когда в рамках традиционных форм уже сложно не повториться. Постмодернизм – серьезный диагноз нашему времени. Он стал чем-то большим, чем философия или стиль. Это – явление общественного сознания, не до конца понятное, но многими ощущаемое. Концептуальная полистилистика, соединение несоединимого как высший профессионализм собственнно и создают неповторимую напряженность конструкции. А не слишком искушенный обыватель легко путает авангард с постмодернизмом: не один ли черт, что заумничает?

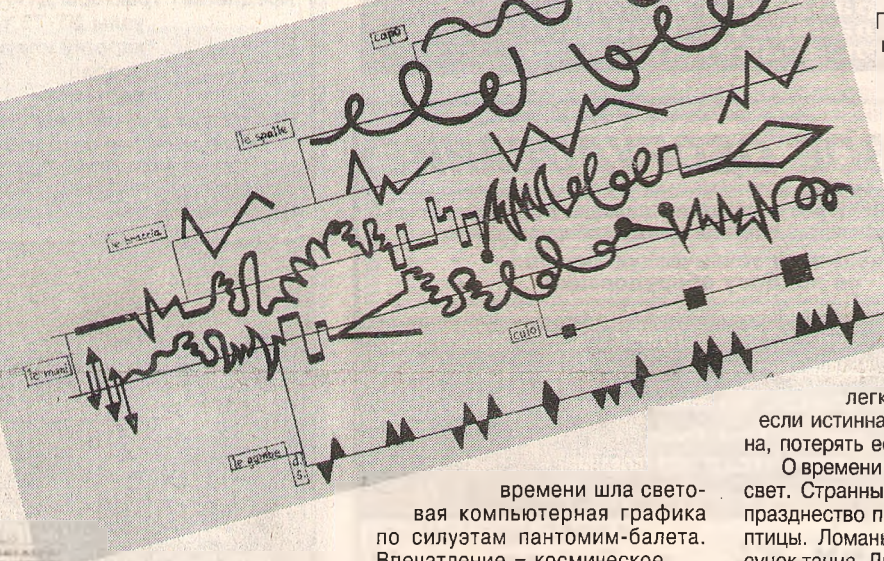

Под высокой луной вокруг сухого дерева среди легкого тумана движутся странные особи, похожие на разделенные надвое дупольные мифические существа андрогинны, ищущие свою половинку. Тонка связующая нить между создателями, ее легко прервать, но уже если истинная половинка найдена, потерять ее невозможно.

О времени забываешь. Зыбкий свет. Странные костюмы. Ночное празднество под уханье болотной птицы. Ломаный, гротескный рисунок танца. Дикая, животная пластика и не менее дикая, чувственная, какая-то первобытная прамызыка группы из Нидерландов «Вечерние посиделки анархистов». Когда ее перебивает мотивчик простенькой песенки «Ах, мой милый Августин, все хорошо, все хорошо», становится не по себе еще больше.

В финале один из плясавших человек деловито и накрепко с ног до головы замотывает прозрачной пленкой слившуюся в бесконечном поцелуе пару счастливиц, которые обрели наконец свою половинку. Оставшихся «женщин» партнеры прикрепляют за волосы к ветвям, и они, повиснув на дереве дикинскими коконами, застывают... Может, в ожидании рассвета. Может – в ожидании будущего счастья. Кто знает?

«Тихая жизнь с селедками» напоминает эстетику обериутов (питерской группы конца 1920-х годов «Объединение реального искусства»), проникнутые грустным юмором стихи Н. Олейникова «Карась»: «Жареная рыбка, дорогой карась, // Где ж ваша улыбка, что была вчерась? // Жареная рыба, бедный мой карась, // Вы ведь жить смогли бы, если бы не страсть».

Поскольку непонятный язык требует внимательного изучения, на семинаре оживленно обсуждалась роль критики в осмыслении современного искусства. Столичный музыковед Ф. Сафронов откомментировал дискуссию словами итальянского музыканта-авангардиста Луджи Ноно: «Путники! Дорог нет, но надо идти!»

В этом ключе прекрасно читалась сценическая композиция-перформанс А. Шнитке «Желтый звук» по либретто В. Кандинского в исполнении ансамбля солистов Московской государственной консерватории «Студия новой музыки». На афише концерта «Звуки видимые и невидимые» было заявлено: «Если и есть звуки, за которыми будущее, то они желтые».

Идеи классического авангарда (простите за каламбур) выступали в синтезе с современными компьютерными технологиями, организуют интерактивное пространство как живой организм из света, цвета, пластики и музыки. На фоне анимированных и программно обработанных картин Кандинского в реальном

времени шла световая компьютерная графика по силуэтам пантомим-балета. Впечатление – космическое.

Необычным было выступление в Брянском художественном музее преподавателя московского ТЕРМЕН-центра Лидии Кавиной – внучки Льва Термена, физика из института Иоффе, который избрал необычный электромагнитный инструмент, названный в последствии его именем. Музыкант изменяет высоту звука и его громкость, влияя на «звуковое поле» вокруг антенн пасаами обеих рук.

Увидев этот инструмент на кремлевском концерте в 1922 году, Ленин тотчас распорядился выдать Термену бесплатный железнодорожный билет для поездок по стране и демонстрации «пролетарской электрической музыки». Терменвокс популярен и в наши дни. Лидия и ее ученицы из Германии и Японии исполнили пьесы для терменвокса: мелодию из «Первой Аэрофонической сюиты», «Звездную импровизацию», «Электрически-патетическое движение». А после концерта все желающие могли попробовать свои силы в электроакустической музыке и убедиться, что добиться хорошего ансамбля терменвоксов – настоящее искусство.

За 18 лет существования брянского фестиваля выросли и стали исполнителями, авторами, музыковедами и искусствоведами дети его родоначальников. Мультимедийный проект московского дизайн-журнала «Табурет» представляла художник-искусствовед Алиса Ривкинд – теперь уже заместитель главного редактора. Она замечательно рассказала об эволюции обыкновенного стула за последние десятилетия: от нехитрой округлости доступного всем серийного детища венского мебельщика Тонета до вызывающе дорогих экстраординарных образцов XX века – коллекционных произведений дизайнерского искусства.

Даже сами названия авторских работ звучали музыкой: стул «Каммердинер» с высоченной спинкой и множеством перекладин, шезлонг Карбозье «Кушетка психоаналитика», выгнутый японский табурет «Бабочка», кресло «Колумбово яйцо» (захлопывается подобно пудренице), диванчик «Мэрилин» как пара сексапильных красных губ, лежбище «Боа» в виде свернувшегося удава, уютная кушетка «Большая мама», «Хорошо темперированное кресло»...

Как оказалось, у брянского фестиваля сегодня немало именитых друзей. Есть даже целый собор в Санкт-Петербурге – фестиваль «Сергей Осколков и его друзья». Во время фестиваля в художественном музее Брянска открылась выставка «Графика Михаила Шемякина» (Нью-Йорк – Санкт-Петербург). С его работами, посвященными творчеству В. Высоцкого, ярославцы имели возможность познакомиться год назад. Брянский зритель увидел и графические листы, посвященные персонажам Достоевского и Гофмана, цветные автолитографии из цикла «Петербургский карнавал». На концерте-встрече «Разговоры через океан» Марк Белодубровский провел сеанс телефонной связи с Михаилом Шемякиным. Мятежный живописец с удовольствием вспоминал юность, «тревожное, угрюмое, напряженное, но и романтическое время», когда они с удовольствием общались – начинающие музыканты школы-десятилетки при Ленинградской консерватории и художник Шемякин с группой «Санкт-Петербург».

Дух фестиваля чувствовался буквально во всем. И чтобы выразить его, лучше всего подходит цитата из «Реалистического манифеста» Н. Габо: «Искусство не может и не должно оставаться убежищем для праздных, утешением для усталых, оправданием для ленивых. Искусство призвано сопровождать человека повсюду, чтобы не угасло в нем пламя жить».

Ирина МОЧАЛОВА.
Фото **Татьяны РИВКИНД.**